12	0098	НИКОЛАЙ АСЕЕВ		"Осада неба"

От собеседника

Станислав Коренблит

1. Граница - 0.52
2. Осада неба - 1.17
3. Повей вояна - 1.33
4. Безумная песня - 1.01
5. Интервенция веков – 1.50
6. Реквием - 1.40
7. Сон кристалла - 0.55
8. Сказ - 1.40
9. Золотая борода - 1.23
10. Перуне - 1.08
11. Сестрице - 1.28
12. Братец Иванушка - 1.38
13. Откровение - 1.31
14. Моя дорога - 1.34
15. Под дождем - 1.10
16. Ночные деревья – 1.08
17. Лог - 1.35
18. Тунь - 1.12
19. Девушка-лань - 1.05
20. Старинное - 1.43
21. Перекати поле - 1.25
22. Разговор - 1.01
23. Поезд - 1.01
24. Вы видели море? – 0.59
25. Океан - 1.17
26. Моряк - 1.44
27. Фантасмагория - 1.06
28. Ночной поход - 1.06
29. Перед осенью - 0.56
30. Зов - 2.03

Общее время звучания – 39.21

СОДЕРЖАНИЕ

1. ГРАНИЦА

Гляжу с улыбкой раба:
одного за другим под знамена,
грозясь, несет велеба,
взывая вдаль поименно.

Какой человек в подъемнике
подбросился вверх, как мячик?..
Склонились внезапно домики
для взоров искусно зрячих.

Их много вдали, игрушечных,
свалилось, как черный козырь,
когда от дыханий пушечных
бежали по небу розы.

Светись о грядущей младости,
еще не живое племя!..
О Время! Я рад, что я достиг
держать тебе ныне стремя.

2. ОСАДА НЕБА

Сердец отчаянная Троя
не размела времен пожар еще.
Не изгибайте в диком строе,
вперед, вперед, вперед, товарищи!
Эй, эй! Один склоняет веки,
хватая день губами мертвыми.
Взвивайте горы, грозы, реки –
он наш, он наш, он вечно горд вами!

Эй, эй! Он брат нам, брат нам, брат нам!
Его, его земель и прав длина...
Не будет здесь на ветре ратном
его дыханье окровавлено.

Увидите: на море это,
на сухопутье и на воздухе!
Такая ль воля - не допета,
пути ль не стало этой поступи?..

Гляди, гляди больней и зорче,
еще, еще на мир очуй!
Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей,
идем, идем к тебе на выручу!

3. ПОВЕЙ ВОЯНА

Еще никто не стиснул брови
врагам за думой одолеть их,
когда, шумя стаканом крови,
шагнуло пьяное столетье.

Как старый лекарь ржавым шилом,
увидя знак болезни тяжкой,
он отворил засовы жилам
и бросил сгустки в неба чашку.

Была страна, как новый рой,
курилась жизнь, как свежий улей;
ребенок утренней порой игрался
с пролетавшей пулей.

Один поет любовь, любовь,
любовь во что бы то ни стало!
Другой - мундира голубого
сверкает свежестью кристалла.

Но то - рассерженный грузин,

осиную скосивши талью,
на небо синее грозил,
светло отплевываясь сталью.

Но то - в пределы моряка,
знамена обрывая в пену,
вкатилась вольности река,
смывая гибель и измену.

Еще смертей двойных, тройных
всходил опары воздух сдобный,
а уж труба второй войны
запела жалобно и злобно.

Пускай тоски, и слез, и сна
не отряхнешь в крови и чаде:
мне в ноги брякнулась весна
и молит песен о пощаде.

4. БЕЗУМНАЯ ПЕСНЯ

Рушится ночь за ночью.
Падай, безумье, падай!
Мы пленены воочью
грозной твоей усладой.

Только метнет прожектор
резкую ясь - и снова
темный уходит Гектор
от очага родного.

В небо бросайтесь, в небо,
грохотом сумрак взроем, -
с нами, кто смертным не был,
кто родился героем!

Там в золотом убранстве,
в мощи вечного пыла
плавает зоркий ястреб –
гонщик яростнокрылый.

Мы ж из-под вечных ярем,
из-под теснин окружных
разом в него ударим
воем тетив содружных.

5. ИНТЕРВЕНЦИЯ ВЕКОВ

Про пропасть и радость пропели пропеллеры,
провеял весенний воздушный сквозняк,
масштабом пробегов всю землю измерили,
и снова замолкла глухая возня.

Меня уложили на ложе Прокрустово
в каком-то безвыходном сонном краю.
Я смирно лежал и тихонько похрустывал,
и - больше не в силах - встаю и пою!

Но губы раскрыты - а звуков не слышится.
Где голос, где голос большой и прямой?
Склонись, камертона весенняя ижица
той вешки, что билась и никла зимой.

Витрина Мясницкой приколота к синему,
застыла, затлела - три века назад.
Мы требуем ветра прожиточный минимум,
и свежесть, и верность у весен в глазах.

Не нам тосковать и печалиться по дому –
по дням, отошедшим в бесславие лет.
Мы - фабрик внимаем железному вотуму,
разбившему прежнего времени бред.

Не нам у безмолвия милости снискивать,
пища фистулой королев и пажей, -
и ваши мечты, как и ваши Мясницкие,
мы скроем под лавой двухсот этажей.

И ветер весны поднимаем мы заново,
и жить нам светло и бороться легко,
и мы не преклоним зрачка партизаньего
перед интервенцией прошлых веков!

6. РЕКВИЕМ

Если день смерк,
если звук смолк,
все же бегут вверх
соки сосновых смол.

С горем наперевес,
горло бедой сжав,
фабрик и деревень
заговори, шаг:

"Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Если умолк один,
даже и самый живой,
тысячами родин,
жизнь, отмсти за него!"

С горем наперевес,
зубы бедой сжав,
фабрик и деревень
ширься, гуди, шаг:

"Стой, спекулянт-смерть,
хриплый твой вой лжив,
нашего дня не сметь
трогать: он весь жив!

Ближе плечом к плечу, -
нищей ли широте,
пасынкам ли лачуг
жаться, осиротев?"

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься тугой шаг:

"Станем на караул,
чтоб не взошли враги
на самую дорогую
из наших могил!

Если день смерк,
если смех смолк,
слушайте ход вверх
жизнью гонимых смол!"

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, сплошной шаг!

7. СОН КРИСТАЛЛА

Глаза слепит от синих искр,
в ушах - полозьев зыбкий свист,
упрям упряжек поиск -
летит собачий поезд!..

Влеки, весна, меня, влеки
туда, где стынут гиляки,
где только тот в зимовья вхож,
кто в шерсти вывернутых кож,

где лед ломается, звеня,
где нет тебя и нет меня,
где всё прошло и стало
блестящим сном кристалла!

8. СКАЗ

Бедности дней, сумраку дней,
нищенству дней
Жизнь - все видней, боль - все родней. Сердце,
бледней!

Сказка - как быль, были - что бред, -
в серый ковыль втоптанный след.
Взвит над страной крик громовой:
"Встань предо мной как лист пред травой!"

Ванька-дурак, черная кость,
свищет в кулак, в сумрак и в злость.
Сердцу - напасть, стиснулось в ком.
Что мне за сласть в свисте таком?

Катится свист, валится лист.
Это я сам вьюсь по лесам?
Мчусь целиной? Вьюсь синевой? –
Встань предо мной, как лист пред травой!"

Впали бока в пенном поту,
чья-то рука - хвать на лету!
В ухо мне влез, вылез в уста,
стал перед лес чист, как хрусталь.

Цвет ковылей сломит ли злость?
Ярче белей, конская кость!
Бедности дней! Жалости дней!
Милости дней! Жизнь - все видней! Боль - все
родней! Сердце, бледней!

9. ЗОЛОТАЯ БОРОДА

Стяни пояс туже, стряхни кудри ниже, повей,
повей, друже,
к ставке княжей ближе –
золотой бородою.

Пождешь мила брата к темным коновязям,
зовешь солнце-млада
величати князем –
золотой бородою.

Те светлые ноги прославляти струнам, что
сборят дороги
с великим Перуном –
золотой бородою!

10. ПЕРУНЕ

Перуне, Перуне,
Перуне могучий,

пусти наши стрелы
за черные тучи.

Чтоб к нам бы вернулись
певучие стрелы,
на каждую выдай
по лебеди белой.

Чтоб витязь бы ехал
по пяди от дому,
на каждой бы встретил
по туру гнедому.

Чтоб мчалися кони,
чтоб целились очи, -
похвалим Перуне
владетеля мочи.

11. СЕСТРИЦЕ

Как желтые крылья иволги,
как стоны тяжелых выпей,
ты песню зажги и вымолви
и сердце тоскою выпей!

Ведь здесь - как подарок царский –
так светится солнце кротко нам,
а там - огневое, жаркое
шатром над тобой оботкано.

Всплыву на заревой дреме
по утренней синей пустыне,
и - нету мне мужества, кроме
того, что к тебе не остынет.

Но в гор голубой оправе
все дали вдруг станут отверстыми,
и нечему сна исправить,
обросшего злыми верстами.

У облак темнеют лица,
а слезы, ты знаешь, солены ж как!
В каком мне небе залиться,
сестрица моя Аленушка?

12. БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Ещё! Исковерканный страхом,
колени молю исполина:
здесь все рассыпается прахом
и липкой сливается глиной!

Вот день: он прополз без тебя ведь,

упорный, весенний и гладкий.
Кого же мне песней забавить
и выдумать на ночь загадки?

А вечер, в шелках раздушенных
кокетлив, невинен и южен,
расцветши сквозь сотни душонок,
мне больше не мил и не нужен.

Притиснуть бы за руки небо,
опять наигравшее юность,
спросить бы: "Так боль эта - небыль?"
и - жизнью в лицо ему плюнуть!

Зажать голубые ладони,
чтоб выдавить снежную проседь,
чтоб в зимнем зашедшемся стоне
безумье услышать - и бросить!

А может, мне верить уж не с кем,
и мир - только страшная морда,
и только по песенкам детским
любить можно верно и твердо:

"У облак темнеют лица,
а слезы, ты знаешь, солены ж как!
в каком мне небе залиться,
сестрица моя Аленушка?"

13. ОТКРОВЕНИЕ

Если ночь все тревоги вызвездит,
как платок полосатый сартовский,
проломаю сквозь вечер мартовский
Млечный Путь, наведенный известью.

Я пучком телеграфных проволок
от Арктура к Большой Медведице
исхлестать эти степи пробовал
и в длине их спин разувериться.

Но и там истлевает высь везде,
как платок полосатый сартовский,
но и там этот вечер мартовский
над тобой побледнел и вызвездил.

Если б даже не эту тысячу
обмотала ты верст у пояса, -
все равно от меня не скроешься,
я до ног твоих сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица

ни взметала тоски грозу мою,
кожа дней, почерневши, сморщится,
так прожжет она жизнь разумную.

Если мне умереть - ведь и ты со мной!
Если я - со зрачками мокрыми, -
ты горишь красотою писаной
на строке, прикушенной до крови.

14. МОЯ ДОРОГА

В лесу темноветвистом у ясного ручья
об этом взоре чистом задумывался я:
куда ему дорога назначена у бога?

И лес шептался строже, и пел звончей ручей: "Тебе
не знать дороже простых ее очей".
В лесу темноветвистом у ясного ручья

о сердце этом чистом задумывался я: куда
ему дорога назначена у бога?
И ветер, нежно вея, тихонько шелестел:

"Нигде, нигде вернее - тебе оно в удел".
Я шел по сонной ниве, не сведав у ручья,
кто был из нас счастливей, кому - судьбина чья.

Но шел я не печальный, узнав, припомнив вдруг
кристальный взор и дальний приветный сердца стук.
Я знал, я знал - у бога, - к тебе моя дорога!

15. ПОД ДОЖДЁМ

Под теплым весенним крутым дождем
стоит ваш дом.
Всех сладких весенних дождей вождем
молчит ваш дом.

Струится, бормочет и каплет с крыш
весна и тишь.
Мы с домом под ливнем - мокры, как мышь...
Струится с крыш.

Мы с ливнем вдвоем на крыльце твоем
о весне поем.
Со сладким весенним дождем вдвоем –
на крыльце твоем.

16. НОЧНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Ночь соблазнительна.
Сами светят синью своей небеса.
Как хорошо, что весна на свете!
Как это описать?

Только прислушайся, только приблизься, -
как эти ветви сочны!..
Слышишь, как сами шевелятся листья
этих деревьев ночных?

Этих ветвей, еще тонких и слабых,
чуешь победную дрожь?
Как этот тонкий и радостный запах
в каждую голову вхож!..

17. ЛОГ

У подрисованных бровей,
у пляской блещущего тела,
на маем млеющей траве
душа прожить не захотела.

Захохотал холодный лес,
шатались ветви, выли дубы,
когда июньский день
долез и впился ей, немея, в губы.

Когда старейшины молчат,
тупых клыков лелея опыт, -
не вой ли маленьких волчат
снега залегшие растопит?

Ногой тяжелой шли века,
ушли миры любви и злобы,
и вот - в полете мотылька
ее узнает поступь кто бы?

Все песни желтых иволог
храни, храни ревниво, лог.

18. ТУНЬ

Ты в маске электрической
похаживаешь мимо,
а я - на Дон, на Дон, на Дон
зову тебя очима.
Не сонь моя, не тень моя,
не голос мой не звучен:
я горшими мученьями
во младости замучен.

И там рука, и там нога,
и день меледневеет,
а здесь - брожу, ищу врага,
что встречиться не смеет.

Пустынным палом похоти

перепалило роды,
а ты в милейном хохоте
залащиваешь годы.

На теле на порубанном
похаживает ворон,
и страшно нам и любо нам
сходиться взор со взором.

Не ведаю ни ветра я,
ни холода, ни зноя.
Прими, другиня щедрая,
безмечного героя.

Лежу-лежу, пою-пою,
и ночь моя короче.
Пойдем на Дон, на Дон, на Дон
свести на очи - очи.

19. ДЕВУШКА-ЛАНЬ

Когда земное склонит лень,
выходит стенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь,
И чей-то стан колеблет стон,
то, может, пан, а может, пень...
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.
А коса твоя - осени сень, -
ты звездам приходишься родственницей.

20. СТАРИННОЕ

В тихом поле звонница
точит малый звон...
Все меня сторонятся,
любил - только он.

Он детина ласковый,
тихой да простой, -
против слова царского
знался с сиротой.

Вышел царь на красное
широкое крыльцо:
потемнело властное
царское лицо;

и, махнувши белою
жестокой рукой,
пустил душу смелую
на вечный покой.

Не заплачу, не покаюсь,
грозный царь,
схороню лихую петлю
в алый ларь,

схороню под сердцем злобу
да тоску,
перейду к реке
по белому песку,
кину кольца, кину лалы
да янтарь –
не ласкать меня,
пресветлый государь!

21. ПЕРЕКАТИ ПОЛЕ

Губы, перетравленные ложью,
сложенной на тысячу ладов;
груди, перетроганные дрожью
рано наступивших холодов.

По одной-единственной примете,
как охотник птицу по перу,
помнишь, я предсказывал про эти
меркнувшие окна ввечеру.

Молодость твоя пройдет впустую,
никого путем не обожжет,
колесом впустую, вхолостую,
перекати-полем пропадет.

Именно такая, не иная
все она мне чудится кругом;
может, про нее я вспоминаю
чаще, чем о чем-нибудь другом.

Ты хотела спеться и сдружиться
и подушкой бросить на кровать,
что должно носиться и кружиться
и тревогой-ветром обдавать.

22. РАЗГОВОР

Рука тяжелая, прохладная
легла доверчиво на эту,
как кисть большая виноградная,
захолодевшая к рассвету.

Я знаю всю тебя по пальчикам,
по прядке, где пробора грядка,
и сколько в жизни было мальчиков,
и как с теперешним несладко.

И часто за тебя мне боязно,
что кто-нибудь еще и кроме
такую тонкую у пояса
тебя возьмет и переломит.

И ты пойдешь свой пыл раздаривать,
и станут гаснуть окна дома,
и станет повторенье старого
тебе - до ужаса знакомо.

И ты пойдешь свой пыл растрачивать...
Пока ж с весной не распрощаться,
давай всерьез, по-настоящему,
поговорим с тобой про счастье.

23. ПОЕЗД

Помнишь: поезд, радостен и скор,
скатывался с гор,
темным лоском ливня остеклен,
падал под уклон.

Машинист, должно быть, не жалел угля, разгонял
стремглав.
Паровоз, должно быть, не жалел колес,
нажимал всерьез.

Это было счастье. Счастьем зашатав,
грохотал состав.
Этот грохот, этот запах смол
и сейчас не смолк.

Он стоит, застыв на всех парах,
как туман в горах.

24. ВЫ ВИДЕЛИ МОРЕ?

Вы видели море такое
когда замерли паруса,
и небо в весеннем покое,
и волны – сплошная роса?

И нежен туман, точно жемчуг,
и видимо мление влаг,
и еле понятное шепчет
над мачтою поднятый флаг,

и, к молу скрененная набок,
шаланда вся в розовых крабах?
И с берега - запах левкоя,
и к берегу льнет тишина?..

Вы видели море такое
прозрачным, как чаша вина?!

25. ОКЕАН

Темной зеленью вод бросаясь
в занесенные пылью глаза,
он стоит между двух красавиц,
у обеих зрачки в слезах.

Но не любит тоски и слез он,
мимолетна - зари краса.
На его засвежевший лозунг
развиваются паруса.

От его молодого свиста
поднимаются руки вверх,
на вдали зазвучавший выстрел,
на огонь, что светил и смерк.

Он всему молодому сверстник,
он носитель безумья брызг,
маяками сверкают перстни
у него на руках из искр.

Ополчись же на злую сушу,
на огни и хрип кабаков, -
Океан, загляни нам в душу,
смой с ней сажу и жир веков!

26. МОРЯК

Он приставил жемчужный брегет
к моему зашумевшему уху,
и прилива ночного шаги
зазвучали упорно и глухо.

Под прожектор, пронзающий тьму,
озаряющий – тело ль, голыш ли? –
мы по звонкому зову тому
пену с плеч отряхнули - и вышли.

И в ночное зашли мы кафе –
в золотое небесное зало,
где на синей покатой софе
полуголой луна возлежала.

И одной из дежурящих звезд
заказав перламутровых устриц,
головой доставая до люстры,
он сказал удивительный тост:

"Надушён магнолией

теплый воздух Юга.
О, скажи, могло ли
ей сниться сердце друга?

Я не знаю прелестей
стран моих красавиц,
нынче снова встретились,
к чьим ногам бросаюсь".

И, от горя тумана серей, сер
он приподнялся грозным и жалким,
и вдали утопающий крейсер
возвестил о крушении залпом.

Но луна, исчезая в зените,
запахнув торопливо жупан,
прошептала, скользя: "Извините".
И вдали прозвучало: "Он пьян".

27. ФАНТАСМАГОРИЯ

Летаргией бульварного вальса
усыпленные лица подернув,
в электрическом небе качался
повернувшийся солнечный жернов;

покивали, грустя, манекены
головами на тайные стражи;
опрокинулись тучами стены,
звезды стали, стеная, в витражи;

над тоскующей каменной плотью, простремглавив
земное круженье,
магистралью на бесповоротье
облаками гремело забвенье;

под бичами крепчающей стужи
коченел бледный знак Фаренгейта,
и безумную песенку ту же
выводила полночная флейта.

28. НОЧНОЙ ПОХОД

Горькие в сердце - миндалины...
В черном небе зеркал
нежной звездою вспыхнул блистательный,
взвитый тобой бокал.
Кинута, кинута жизни гостиница;
за миллионы миль,
бешено вздрогнув, за полночь кинется
воющий автомобиль.
Взрежет изглубья вздохами мерными,
ветром исполнит путь;

ты капитаном станешь над верными:
некому нас вернуть!
Губы твои во мрак зароются...
Но - поворот руля, -
Низкие горы вдали откроются:
это - опять земля!

29. ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

ще и осени не близко,
еще и свет гореть - не связан,
а я прочел тоски записку,
потерянную желтым вязом.

Не уроню такого взора,
который - прах, который - шорох.
Я не хочу земного сора,
я никогда не встречу сорок.

Когда ж зевнет над нами осень,
я подожгу над миром косы,
я посажу в твои зеницы
такие синие синицы!

30. ЗОВ

За отряд улетевших уток,
за сквозной поход облаков
мне хотелось отдать кому-то
золотые глаза веков...

Так сжимались поля, убегая,
словно осенью старые змеи,
так за синюю полу гая
ты схватилась, от дали немея,

Что мне стало совсем не страшно:
ведь какие слова ни выстрой –
всё равно стоят в рукопашной
за тебя с пролетающей быстрью.

А крылами взмахнувших уток
мне прикрыла лишь осень очи,
но тебя и слепой - зову так,
что изорвано небо в клочья.